

ПЕРСОНА

Он любит простые слова и вещи. В нем нет фальши. Он редкий для нашего кино человек. Пожалуй, он один такой. Свободный во всем — высказываниях, поступках, картинах. Для него нет условностей. И он со всеми, выбранными им для общения, — равен. В нем нет позы. Наверное, он был таким не всегда. Я знаю его четыре года, и за это время он не перестает удивлять — естественностью реакции на все происходящее. **Сергей Бодров. Через черточку — старший. Нет младшего. Но он навсегда с этой черточкой, с этим грузом — старший.**

Сергей БОДРОВ: "Я верю в судьбу"

В Китае на съемках "Монгола".

На съемках "Медвежьего поцелуя" с сыном.

пяти 800 лет назад.

— И что бы он сказал, если б воскрес и увидел ваш фильм?

— Чингисхан был очень терпимым человеком. И в религиозном плане, кстати, тоже — никого не заставлял отречься или принимать другую веру... А смотреть про себя картину всегда странно. Но я думаю, он бы не осудил. (Улыбается.)

— Далай-лама говорит про три яда, где первый — страстное желание. Вы считаете, что надо следовать традициям и правилам тех, к кому пришел. Но как снимать кино с холодной головой?

— Конечно, надо отнестись с уважением к этим людям, к их культуре, к их религии. И своя режиссерская позиция должна быть, как и страсть к делу. Поэтому в деле я был очень жесткий. В самой Монголии, кстати, мы не стали снимать, потому что с монголами не нашли общий язык. Зато после того, как закончили, из Монголии раздался звонок — президент захотел с нами встретиться. Когда мы приехали, я ему показал фотографии, кусочки съемок — а у нас потрясающие монголь-

ские дети снимались, главная героиня — студентка факультета журналистики из Монголии, да и президент Монголии окончил Литературный институт в Москве, у него замечательный русский язык (лучший пушкинист в Монголии. — Е.А.), — и он все понял. В разговоре кто-то из монголов сказал: "Чего-то не хватает — степей, зелени, травы монгольской". Президент говорит: "Какая трава? У мальчика отец умирает. Конечно, там пыль должна быть, песок — библейское начало". Меня это очень порадовало. Я уверен, что когда искренне что-то делаешь, всегда все налаживается и находишь общий язык.

— И все другие картины вы снимали со страстным желанием?

— Иногда есть страсть, иногда — азарт. А это не одно и то же. На "Кочевнике" был азарт. На каких-то других — мол, я это не делал, я хочу попробовать. Никогда не было расчета.

— "Давай сделаем это по-быстрому" — тоже азарт?

— Безусловно. Еще какой. Я получил от этой картины огромное удовольствие — снял ее быстро, в сжатые сроки. Я вообще считаю, что она вышла очень приличная.

— Вы говорили, в "Давай сделаем это по-быстрому" вас заинтересовала сама тема: что ты будешь делать 24 часа, если знаешь, что они — последние? А на себя вы примеряли эту ситуацию?

— Когда снимал, не думал про себя — думал, как это снять. Иногда — да, я примеряю на себя истории, которые снимаю. Но в данном случае — нет. Если спросить меня сейчас, то я приблизительно знаю, что я буду делать. Главное, я буду абсолютно спокоен — я не боюсь этого. Раньше — да, боялся. Теперь — нет.

— А вы узнавали свою судьбу?

— Когда-то какие-то гадалки предсказывали. Не помню всего, но предсказывали долгую жизнь.

"Мужикам надо объяснять правила игры"

— Жалко, что почти незаметно тогда, четыре года назад, прошел ваш "Медвежий поцелуй". Хотя отклики простых зрителей — я тут читала на форумах в Интернете — в основном все замечательные. Вот: "Фильм — прорыв честности, доброты и простоты".

— Для меня это была очень важная картина, которую я давно хотел сделать. Она, кстати, очень хорошо прошла в Японии, где для людей сама ситуация понятная. В России был лимитированный показ. И я встречался с тем, что про нее говорили: женская картина. А мужики... Я думаю, что чисто профессионально ошибся: надо было с самого начала объяснить правила игры. То, что для меня совершенно естественно — сама история превращения, — для мужиков было непонятно.

— Критики любят писать, что ваши фильмы больше принимаются женщинами...

— Наверное. Женщины — более восприимчивый зритель, они более тонкие, лучше чувствуют. Но "Монгол", думаю, будет мужское кино. Хотя там есть история любви. Но есть и сильный герой, есть экшн, есть эффектные сцены боев. Мужчины, думаю, тоже останутся довольны. (Смеется.)

— В релизе написано, что вам было интересно найти уникальную историю любви.

— Она возникла сама. Я ее не искал. Это произошло в его жизни (Чингисхан всю жизнь любил Бorte, с которой его помолвили, когда ей было 10 лет, а ему — 9. Когда они выросли, ее похитили, и он повел за ней войско в 40 тысяч человек. — Е.А.). И мы ее в фильме очень тщательно разрабатывали...

— Да, с девочкой, что Бorte уже взрослую играла, была история. У нее случился серьезный приступ аппендицита. А мы черт-те где — шесть часов до ближайшей больницы, плохая дорога. Мы вызываем шамана, девочка звонит своему ламе в Улан-Батор, приходит местный лама, китайский доктор, монгольский доктор. Не знаю, что больше внес свою лепту, но они сняли приступ.

— Мистика?

— Конечно.

— А то, что вас попросили перед "Монголом" доснять "Кочевник", когда Пассер не справился, — судьба преподнесла шикарную разминку-репетицию, разве не мистика?

— Да, случаются странные вещи. Когда "Кочевник" начали снимать, я был в Казахстане. Начал режиссер Иван Пассер — милый человек и очень интересный чешский режиссер, друг Милоша Формана, из чешской новой волны, уехал в Америку, учил, делал телевизионные фильмы. Я его знал, мы встречались, он был членом жюри где-то, где мне дали приз за "Кавказского пленника" — приз очень важный, потому что денежный — 20 тысяч долларов, которые тогда были для меня

очень кстати. (Улыбается.) Я приехал к Ивану на площадку и видел, как ему тяжело снимать эту картину — не его материал, да и возраст сказывался. Он пошутил: "Сережа, давай неделю ты будешь снимать, неделю я". Так и случилось — когда он уехал, мне пришлось снимать даже больше половины. Вот судьба.

— Много у вас было мистических историй?

— Скорее, я верю в судьбу. Все, что в моей жизни происходило, я верю, что это судьба. Не все, конечно, можно объяснить, но какие-то вещи — понятно, что это — судьба. То, что случилось с Сергеем, — это же судьба. Это не случайность...

"Любовь — это доверие"

— Редкий режиссер интересуется кем-то, кроме себя, не говоря уже о внимательном отношении к молодежи. Вы как раз то исключение. На премию "Триумф" вы предложили молодого режиссера Сергея Лобана с его фильмом "Пыль", не будучи с ним даже знакомым.

— Я верю в молодежь и всячески стараюсь поддерживать вне зависимости от того, знаком я с человеком или нет. Мне это нравится. Я считаю, в кино должно быть как можно больше молодой, свежей крови. Я — большой поклонник Вырыпаева, "Эйфория" его мне очень понравилось. Такими и должны быть дебюты — явными, точными.

— То есть вы помогаете сбываться желаниям других людей. А ваши все сбываются?

— Если бы все сбывалось, было б очень скучно. Из тех, что я хотел, — фишти-фишти.

— Для меня "Медвежий поцелуй" — фильм о сбывающихся желаниях: они сбываются, когда они сильные и честные.

— Мне кажется, это хорошая история. Она встретилась с медведем, который мог превращаться в человека. Они полюбили друг друга, и ему пришлось убить ради любви. Любовь — это доверие. Это сложно, трудно, но это действительно так.

— Вы говорили, что верите: человек может быть рожден от медведя... Вам не хотелось превратиться в зверя?

— Но я действительно верю, что мы живем не один раз — может, я в прошлой жизни был зверем и, может, в следующей окажусь зверем. Верю в превращения. Не странный для меня вопрос. Не то чтобы мне хотелось — я думаю, от тебя не зависит, в кого превратиться: ты не выбираешь, это твоя судьба. Просто люди не понимают (смеется), но во что-то они точно превратятся. Наверное, все зависит от того, как ты живешь эту жизнь.

"Нужно делать решительные поступки"

— Вы верите в судьбу, и при этом вы человек, не плывущий по течению, — вы все время совершаете переломные поступки. Вы объехали всю страну, будучи журналистом в "Крокодиле", потом — ВГИК, сцена-

рии, затем — режиссура, работа за океаном, фильм в Африке...

— В жизни нужно делать решительные поступки. Каждый день приходится выбирать — иногда по мелочи, а иногда серьезно, — с кем жить, с кем не жить, остаться с человеком или уйти.

— И вас не мучает сам момент выбора? Мужчины же особенно тяжело выбирают.

— Конечно, мучает. Но я не скажу за всех мужчин: я не знаток мужской психологии.

— Почему? Вы — знаток женской?

— Думаю, что да. Она меня больше интересует. Мне кажется, с мужчинами все понятнее и проще. Нет?.. Я и дружу-то больше с женщинами. Мне с ними интереснее. Может, потому что мы разные. (Смеется.)

— Ну хорошо. С женщинами понятно. А когда вы совершали поступок — уезжали из страны?

— Да это не такой важный поступок. Люди ездят на работу из Раменок в Москву, а тут оказалось, что можно ездить на работу из Москвы в Америку. Когда я жил на Дальнем Востоке и знал, что через океан — Америка, мне и в голову не приходило, что я там никогда не буду. У меня был замечательный товарищ Юра Дверник — мы учились в одном классе и хотели стать моряками, чтобы уплыть. Юра стал моряком, он первым прислал мне открытку из-за границы, из Сингапура. А когда у меня появилась возможность не переплыть, а перелететь через океан, конечно, я это сделал. (После того как фильм Бодрова "Кавказский пленник" получил номинацию на "Оскар", ему тут же предложили в Голливуде работу. — Е.А.) Я же не уезжал, как когда-то люди эмигрировали, рвали всё — у них отбирали квартиры и паспорта. Я уезжал всегда с обратным билетом — и мне это очень помогло: знал, что я всегда могу вернуться. (Смеется.) И получилось: я стал работать там. А когда стало менее интересно, вернулся.

— Сергей Владимирович, а силы вы откуда берете?

— Это хороший вопрос. Да, я три лета подряд снимал, теперь монтирую. Тяжелые, что там говорить, съемки. Изнуряющая работа, погода — солнце, пыль, ветер, холод, жара — всё вместе. Два последних года помогала китайская медицина. Там есть даосский монастырь "Белое облако". Врач-монах сначала по пульсу слушает и говорит: "Много огня" или "Мало огня". Мне он сказал: "Много огня". И выписал травы. Иголки и массаж еще китайский. Это необходимость. Надо много работать, и это приводит тебя в порядок. Нелзя много огня — надо, чтобы потише было, чтобы баланс был.

— Я тут подумала: диктофон где-то на столе лежал, никто о нем особо и не думал, а вдруг ничего не записалось?

— Ну, не записалось и не записалось. (Смеется.)

Беседовала Елена АРДАБАЦКАЯ.